

Вырезка из газеты ЧЕЛЯБИНСКИЙ РАБОЧИЙ

Челябинск

от 20 МАР. 41 А.
Газета №

К 20-ЛЕТИЮ ЧЕЛЯБИНСКОГО
ДРАМТЕАТРА им. ЦВИЛЛИНГА

МАРИЯ КОЧУБЕЙ

Это было накануне первой русской революции. В московском театре Корша давали спектакль, в одной из картин которого изображались сцены еврейского погрома. В течение целого акта за кулисами постепенно нарастали раскаты медленно приближающегося погрома. Наконец, на сцену ворвались погромщики. Актер, исполняющий роль предводителя погромщиков, очень убедительно загримировался под тупого, озверевшего охотничьего молодца. Громадный упитанный детина, с тусклыми от вина и крови глазами, в белом обгаженном фартуке, со сверкающим в руках ножом, молча двинулся на публику. Погромы тогда случались очень часто. Нервы публики были чрезвычайно напряжены. И как только громила ворвался на сцену, в зале началось смятение, а один из зрителей не выдержал, вскочил и выстрелил в артиста, изображавшего черносотенца.

Этот случай навсегда остался в памяти Марии Владимировны Кочубей. Он открыл перед ней, тогда еще только начинавшей актрисой, могучую, действенную силу сценической правды.

«Вот бы научиться играть так, — подумала она, — чтобы всегда с такой силой порождать в зрителях жгучую ненависть к врагам, нежную любовь к друзьям, чтобы вызывать в людях величайший душевный подъем, вдохновлять их на борьбу, на подвиг».

Конечно, ей не сразу удалось завладеть этим высоким мастерством. Сначала она увлекалась внешним изображением страсти, много металась по сцене, громко рыдала. Но однажды, в Новочеркасске, ей пришлось в очередь с известной в то время провинциальной актрисой Писаревой играть Анфису в одноименной пьесе Л. Андреева. Мария Владимировна исполняла эту роль успешно и была довольна собой, но увидев игру Писаревой, она пришла в сильное смятение. Писарева играла чрезвычайно сдержанно, просто, без крика, без слез и экзальтации, и в то же время так глубоко, естественно и правдиво передавала чувства и переживания героини, что Мария Владимировна была буквально потрясена. Она поняла тогда, что именно в простоте кроются истоки истинного искусства. С тех пор Мария Владимировна стала учиться сложнейшему искусству простоты.

В 1933 году, когда Кочубей решила поехать в Челябинск, перед отъездом она несколько заколебалась. А вдруг в театре этого далекого зауральского города еще до сих пор царят старые провинциальные вкусы, и ее стремление к простоте никто не оценит! Од-

нако, опасения Марии Владимировны не оправдались. В Челябинске уже и в те годы была молодая работоспособная труппа, горевшая стремлением постигнуть

тайинства реалистического мастерства. Кочубей очень скоро сдружилась с коллективом театра и завоевала симпатии широкого круга зрителей.

Здесь она весьма удачно сыграла целый ряд замечательных ролей. Челябинцы еще до сих пор помнят страстный монолог коммунистки Клары («Страх» А. Афиногенова), с исключительной выразитель-

ностью исполненный М. В. Кочубей. С особенной глубиной и теплотой играет она материнские роли. В них вкладывает она всю свою неугасимую любовь к советской молодежи. Нежная и мужественная глава семьи Мотыльковых («Слава» В. Гусева), кристально чистая в своей душевной простоте, глубоко любящая своих сыновей, мать Листрата и Алешки («Земля» Н. Вирты), изумительно мягкая, заботливая, верная подруга старого профессора («Профессор Полежаев» Л. Рахманова), отважная, неустрашимая Мария Эстерг («Мой сын» Ш. Гергеля и О. Литовского), наконец, обаятельная бабушка Бережкова («Обрыв» по роману Гончарова). Все эти трогательные образы, созданные М. Кочубей, врезались в память каждого зрителя.

У Марии Владимировны высоко развито чувство ансамбля. Она никогда не выпячивает себя, а всегда стремится решать общую коллективную задачу спектакля.

— Мне глубоко запомнились слова одного нашего режиссера, — рассказывает Кочубей. — Однажды, говоря о возможности различных трактовок спектаклей, он продемонстрировал нам очень простой, но убедительный пример. «Вот у меня в руках спичечная коробка, — сказал он. — Вот, вы видите ее с одной стороны. Какая она? Желтая. А если я другим покажу ее другой стороной. Они уже увидят ее коричневой. Ну, а если же я третьим покажу спичечную коробку третьей стороной, то они воскликнут: да что вы нам говорите, что спичечная коробка коричневая, она же синяя!». Спектакль тоже можно рассматривать с разных сторон, и все искусство состоит в том, чтобы решить какой цвет преобладает, какая мысль является главной и тогда уже все подчинить ей.

Это отлично понимает Мария Владимировна. Игра старейшей челябинской актрисы М. В. Кочубей всегда органически сливается с игрой других актеров и производит чарующее впечатление своей естественностью и правдивостью.

В. ВЕСНИН.

